

На правах рукописи

Романовская Любава Ростиславовна

ИНОВЕРЦЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(историко-правовое исследование)

Специальность: 12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Нижний Новгород – 2006

Работа выполнена на кафедре теории и истории государства и права Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Научный руководитель: кандидат юридических наук, доцент
Биюшкина Надежда Иосифовна

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор
Галай Юрий Григорьевич

доктор юридических наук, профессор
Тимофеев Валерий Георгиевич

Ведущая организация: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Защита состоится «23» ноября 2006 года в 10 часов 30 минут на заседании диссертационного совета К-212.166.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве при ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» по адресу: 603115, г. Н. Новгород, ул. Ашхабадская, д. 4. Зал ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» по адресу: 603022, г. Н. Новгород, пр. Ю. Гагарина, д.23, корп. I.

Автореферат разослан «___» октября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат юридических наук, доцент

В.С. Сэруа

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Важнейшей задачей современного этапа развития российского гражданского общества является его консолидация, укрепление и оптимизация социальных, культурных, экономических связей, которые существуют между различными этническими и конфессиональными группами населения Российской Федерации.

Особенно большое значение сейчас приобрели нравственные и идеологические аспекты общественного мировоззрения. Об этом, в частности, говорил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II на открытии Всемирного саммита религиозных лидеров, прошедшем в июле 2006 г. в Москве. Он отметил: «История и современность показывают, что без духовной и нравственной основы в жизни народов, без глубокого знания людьми своей религиозной традиции нельзя эффективно противостоять распрям, насилию, порокам, экстремизму и террору. С нравственным состоянием личности и общества связаны экономика, экология, здоровье и другие сферы человеческой жизни. В них нельзя по-настоящему добиться успеха без целостности человеческой личности, без добрых намерений сердца»¹.

В наше сложное время важно подчеркивать не различия и противоречия религиозно-нравственных систем, не акцентировать внимание на межконфессиональных конфликтах, которые имели место в прошлом, а наоборот искать общие позитивные черты и консолидирующие основы человеческого взаимодействия. Именно возвращение к основополагающим, непреходящим нравственным ценностям позволит успешно противодействовать негативным тенденциям, связанным с деятельностью националистических, ксенофобских экстремистских организаций.

Для того чтобы решить эти сложнейшие задачи, нелишним нам представляется изучение богатого исторического опыта в первую очередь Российской империи XVIII – XIX вв., причем как позитивного, так и негативного. Несомненно, что просчеты в религиозной (вероисповедной) политике имперских властей во многом способствовали революционным

¹ Речь Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексея II при открытии Всемирного саммита религиозных лидеров // www.religare.ru 03 июля 2006.

взрывам XX в. и гибели самой Российской империи. Следует заметить, что в советское время положение верующих в государстве не только не улучшилось с провозглашением принципов свободы совести и отделения церкви от государства, а кардинальным образом ухудшилось, т.к. официальной идеологией правящих кругов стал воинствующий атеизм.

Сейчас наше общество с трудом выходит из 70-летнего периода атеистического воспитания и богоборчества, и поэтому даже крупницы положительного опыта, накопленного политико-правовыми институтами Российской империи, являются, по крайней мере, не лишними.

В современных условиях возрождения конфессиональной жизни в различных ее формах все большее значение приобретает постоянный и конструктивный диалог между государством и религиозными организациями. Успешность этого диалога во многом зависит от правильного понимания и учета как позитивных сторон, так и ошибок в политико-правовой сфере, допущенных в период существования Российской империи.

Как верно отметил Президент России В.В. Путин в своем выступлении на открытии Всемирного саммита религиозных лидеров, «здесь, на огромном евразийском пространстве, сложилось уникальное единство и многообразие разных религий и национальностей. Их взаимодействие сыграло системообразующую роль в развитии самой российской государственности и в укреплении ее целостности»². И в современной России толерантность и веротерпимость являются основой гражданского мира, важным фактором социального прогресса. Государство и религиозные организации должны вместе способствовать нравственному воспитанию каждой личности и налаживать необходимый не только для России, но и для всего мира диалог культур.

Степень научной разработанности проблемы. Изучение научной литературы свидетельствует об отсутствии специальных работ, посвященных сравнительному анализу правового положения основных иноверных конфессий в Российской империи. Вместе с тем, можно назвать ряд исследований, в которых в той или иной мере затрагивались рассматриваемые нами вопросы. Это, прежде всего труды дореволюционных ученых. Так, М.А. Рейснер анализировал положения русского

² Выступление на открытии Всемирного саммита религиозных лидеров // <http://www.kremlin.ru/appears/2006/07/03>

законодательства в сфере вероисповедной политики³. Тема религиозной жизни инославных христиан получила глубокое и многоплановое освещение в трудах профессора императорского Варшавского университета Д.В. Цветаева⁴, которым написано более 20 основательных работ по истории инославных церквей. Правовое положение лютеран и католиков исследовал также профессор, доктор церковного права М. Красножен⁵. «Еврейский вопрос» получил подробное освещение в трудах А.П. Субботина, М.И. Мыша, Ю. Гессена, И.Г. Оршанского⁶.

В советский период вероисповедному вопросу внимания практически не уделялось. Если и проводились какие-либо исследования, то лишь в рамках изучения национального вопроса⁷. Советская историография изучала проблемы религиозной жизни, опираясь на господствовавшую атеистическую точку зрения, исходя из антицерковной политики государства.

В настоящее время можно отметить все возрастающий интерес к религиозной тематике среди отечественных ученых. В последние годы вышло много работ, посвященных исследованию вероисповедной политики Российских императоров и анализу правового положения различных конфессий в Российской империи. Это труды Е.А. Вишленковой, С.Л. Григорьева, Ю.Е. Кондакова, О.А. Лиценбергер, О.В.Курило, Е.И. Воробьевой, Г.А. Козлитина, М.З. Хафизова⁸. Однако, ни один из авторов

³ Рейснер М. А. Государство и верующая личность. - СПб., 1905.

⁴ Цветаев Д. В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. - М., 1890; Цветаев Д.В. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI-XVII в. – СПб., 1886; Цветаев Д.В. Обрусение западноевропейцев в Московском государстве. Варшава, 1903; Цветаев Д.В. Положение иноверия в России: историческое обозрение. - Варшава, 1904; Цветаев Д.В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890 и др.

⁵ Красножен М. Иноверцы на Руси. Т.1 Положение неправославных христиан в России. - Юрьев, 1903

⁶ Субботин А.П. «Общая записка по еврейскому вопросу». СПб, 1905; Мышь М.И. Руководство к русским законам о евреях. - СПб, 1898; Гессен Ю. История еврейского народа в России: В 2-х т., т. 1, Л., 1925.; Гессен Ю. Евреи в России: Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. - СПб., 1906; Оршанский И.Г. Законодательство о евреях. Очерки и исследования. — СПб., 1877.

⁷ Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI-начало XX в.). – М., 1973; Кобузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX века. – М.: АН СССР, 1963; Юхнёва Н.В. «Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX – начало XX века». – Ленинград: Издательство «Наука», 1984; Из истории национальной политики царизма //Красный архив. 1929. Т. IV. С.107-127.

⁸ Вишленкова Е.А. Заботясь о душах подданных: Религиозная политика в России первой четверти XIX в. Саратов, 2002; Вишленкова Е.А. Религиозная политика в России (первая четверть XIX в.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 1999; Григорьев С.Л.

не ставил задачи провести сравнительный анализ правового положения различных конфессий.

Хронологические рамки исследования. Изучение поставленной проблемы ограничивается в основном периодом конца XVIII - конца XIX вв., выбранным вполне осознанно: именно этот период был чрезвычайно важным для процесса формирования органов государственного управления духовными делами и эволюции вероисповедной политики правительства Российской империи. Начальная дата связана с правлением Екатерины II, когда начался новый поворот в религиозной политике государства, направленный на толерантность, завершается процесс изучения революционными событиями 1905-1906 гг., которые кардинально изменили всю политическую атмосферу в России. Вероисповедные реформы начала XX в. заслуживают отдельного фундаментального исследования.

Однако следует отметить, что обозначенные хронологические рамки достаточно условны, так как в целях сохранения логики исследования в некоторых случаях было необходимо обращение к более раннему и более позднему фактическому материалу.

Территориальные рамки исследования ограничиваются в основном центральными регионами Российской империи. Вопрос о национальных окраинах рассматривается лишь фрагментарно в контексте исследования.

Теоретической основой исследования послужили труды отечественных дореволюционных и современных ученых, в том числе в области истории России, теории и истории государства и права, а также монографические исследования по общим проблемам вероисповедной политики Российской империи и правового регулирования жизнедеятельности отдельных

Религиозные взгляды и религиозная политика Павла I. Дис. ... кандидата ист. наук: 07.00.02/ Екатеринбург, 2004; *Кондаков Ю.Е.* Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801-1825). СПб.: Нестор, 1998; *Лиценбергер О.А.* Евангелическо-лютеранская церковь в Российской истории (XVI-XX вв.). М., 2004; *Лиценбергер О.А.* Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение. Саратов, 2001; *Лиценбергер О.А.* Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская церкви в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII – начало XX вв.): Дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 Саратов, 2005 и др.; *Курило О.В.* Лютеране в России. XVI-XX вв. М., Изд-во: Фонд «Лютеранское наследие», 2002; *Курило О.В.* Лютеране в России (XVI-XX вв.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995; *Воробьева Е.И.* Мусульманский вопрос в имперской политике Российского самодержавия (вторая половина XIX – 1917 г.). Дисс. ... к.и.н. СПб., 1999; *Козлитин Г.А.* Правовое положение евреев в Российской империи. Конец XVIII – XIX вв. Дис. ... канд. юр. наук. Ростов-на-Дону. 2004; *Хафизов М.З.* Нижегородские татары: очерки истории – Нижний Новгород, 1998;

иноверных конфессий, сборники научных публикаций и журнальные статьи по данным вопросам. В процессе работы над диссертацией автор стремился по возможности полно изучить и проанализировать труды Д. В. Цветаева, М.И. Мыша, М. А. Рейснера, М. Красножена, Ю. Гессена, А.П. Субботина, П.А. Зайончковского, В.О. Ключевского, Н.В.Юхнёвой, В.С. Дякина, Д.Ю. Арапова, Е.А. Вишленковой, О.А. Лиценбергер, В.К. Пинкевича, Д.М. Усмановой, В.А. Федорова, М.О. Шахова, и других.

Эмпирическую основу исследования составил обширный блок имперского законодательства, касающегося вероисповедной политики и правового регулирования жизнедеятельности католиков, лютеран, мусульман и иудеев, а также статистические и архивные данные.

Методологической основой исследования является диалектический метод познания, позволяющий изучить предмет в развитии и во взаимосвязи всех его отдельных проявлений. Кроме того, диссертантом применялись индукция, дедукция, аналогия, сравнение и другие общенаучные методы. Среди используемых специальных и научно-научных методов можно выделить такие методы как формально-логический, социологический, статистический, формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой и другие. Только комплексное использование разных методов научного познания позволило решить поставленные задачи и достичь цели диссертационного исследования.

Объектом исследования выступает совокупность духовно-религиозных, социально-экономических, организационно-правовых отношений в сфере правового регулирования жизнедеятельности основных иноверных конфессий (неправославных христиан, мусульман, иудеев) в Российской Империи.

Предмет исследования составляют конкретно-исторические явления, раскрывающие сущность государственно-конфессиональных отношений и принципы вероисповедной политики правительства, правовое положение иноверцев и иноверных религиозных организаций.

Цель и задачи исследования

Целью диссертационного исследования является создание комплексной картины становления и правового регулирования деятельности иноверных общин в Российской империи.

Поставленная цель определила следующие основные **задачи**:

1. проследить процесс формирования и развития органов государственного управления духовными делами;
2. выявить особенности вероисповедной политики российского правительства, определить ее принципы;
3. на примере столицы Российской империи определить роль духовных центров в жизнедеятельности иноверных общин, в сохранении иноверцами своей национальной и культурной идентичности;
4. выяснить, какой объем прав, привилегий и ограничений устанавливался имперским законодательством в отношении каждой из иноверных конфессий;
5. провести сравнительный анализ их правового положения;
6. выявить комплекс причин ограничения иноверцев в правах;
7. на примере Нижегородской губернии проследить становление, развитие, динамику и условия существования иноверных общин в рамках поликонфессионального государства с господствующей православной религией.

Научная новизна исследования заключается в самой постановке проблемы. Впервые на основе широкого круга источников в отечественной историко-правовой науке проведен комплексный сравнительно-правовой анализ правового положения иноверцев в Российской империи. В диссертации впервые дан анализ дореволюционных актов, справочной и иной литературы, посвященной вероисповедной политике и регламентации жизнедеятельности основных иноверных конфессий. Введены в научный оборот новые архивные материалы, иллюстрирующие особенности вероисповедной политики на частных примерах.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Становление системы органов государственного управления духовными делами проходило в русле официальной политики абсолютизма, направленной на подчинение государственной власти всех сфер общественной жизни. Русская Православная Церковь в организационном плане управлялась Святейшим Синодом, подчиненным напрямую Императору, в то время как иные религиозные организации находились в подчинении общеадминистративных гражданских учреждений – сначала Министерству духовных дел и народного просвещения, а затем Департаменту духовных дел иностранных исповеданий в составе

Министерства внутренних дел. Тем самым имперская власть подчеркивала общеадминистративный характер управления иными конфессиями;

2. Единого документа, определяющего конфессиональную политику государства, не существовало. Каждый правитель проводил ее в соответствии с собственным пониманием (которое основывалось и на воспитании, и мировоззрении, и степени влияния наставников и окружения), а также внутривластной и внешнеполитической обстановкой.

3. Со времени правления Екатерины II основой вероисповедной политики официально признается веротерпимость, при сохранении первенствующего положения Русской Православной церкви и охране господствующей православной веры. Однако, веротерпимость не означала свободы совести и равенства конфессий. Государство, охраняя господствующую веру и решая свои имперские задачи, проводило вероисповедную политику, основными принципами которой являлось: непризнание прав личности на религиозное самоопределение; наличие правовой иерархии конфессий и их неравенство в правах, привилегиях и ограничениях; вмешательство во внутрицерковную деятельность существовавших в России конфессий; жесткость национально-конфессиональных рамок и фактический запрет перехода из одного исповедания в другое, за исключением перехода в православие, который приветствовался и поддерживался государством; превращение церковной власти в орудие светской политики; выполнение вероисповедным законодательством роли регулятора национального вопроса (поскольку конфессиональные различия в основном совпадали с национальными); распространение и поддержка только православной веры как государственной религии; признание полноправными (с точки зрения конфессиональной принадлежности) только лиц, исповедующих православие.

4. Иноверцы, несмотря на ограничительную политику государственного православия (имеется в виду политика ограничения иноверцев в правах, меры по языковой, культурной и т.д. ассимиляции иноверцев и др.), включались в общественную и экономическую жизнь Российской империи и играли в ней существенную роль. Существовая в рамках иноверной среды, представители иных конфессий сохраняли свою национальную, культурную, религиозную самобытность и большую роль в

этом играли духовные центры (кирхи, костелы, мечети, синагоги), которые служили не только нуждам религиозного культа, но и выполняли образовательную, воспитательную, объединяющую и другие функции.

5. Среди признанных и терпимых в Российской империи иноверных исповеданий наиболее крупными по численности верующих являлись христианские неправославные (или «инославные») конфессии – католическая и лютеранская (как наиболее значительная из протестантских), а также нехристианские конфессии – иудаистская и мусульманская. Несмотря на то, что согласно официальной градации, все названные конфессии занимали вторую ступень правовой иерархии, фактически для каждой из них государством устанавливался особый правовой режим. В своем социальном, имущественном и политическом положении конфессии второй ступени также не были равны.

6. Из неправославных христиан лютеране находились в более привилегированном положении по сравнению с католиками, что было обусловлено целым рядом исторических, идеологических, политических и других факторов. Магометане и их духовенство более ограничивались в правах, чем инославные христиане (например, мусульманское духовенство не считалось особым привилегированным сословием, в отличие от лютеранских и католических священников; мусульмане ограничивались в праве замещения выборных должностей в органах управления, в образовательной сфере, государство навязывало мусульманам некоторые христианские нормы жизни, которые входили в противоречие с нормами шариата). Однако, несмотря на дискриминационную сущность отдельных норм законодательства, они не затрагивали основы основ – их права свободно исповедовать свою веру и исполнять культовые обряды.

Сравнивая положение евреев (иудеев) и лиц, принадлежащих к другим признанным и терпимым исповеданиям, мы делаем вывод о наибольшей степени ограниченности в правах, а также о том, что в правительственной психологии и политике на всем протяжении российской истории (вплоть до конца XX в.) наблюдается явно предвзятое отношение к иудеям. Государство не только ограничивало свободу передвижения и расселения евреев по Российской империи, не только запрещало им определенные виды деятельности и налагало дополнительные денежные сборы, но и вторгалось во внутреннюю жизнь еврейских общин, устанавливая правовые запреты на

соблюдение иудеями своих религиозных традиций (ношение пейсов, особой одежды, бритье головы женщинами и др.).

5. Официально причиной ограничения иноверцев в правах являлось недопущение совращения христиан (или обратившихся в христианство) в иную веру. Что касается не оглашаемых причин, то, по мнению соискателя, это были те самые имперские задачи, которые обусловили особенности вероисповедной политики российских властей - обеспечение единства и монолитности империи, недопущение роста национального самосознания (и, как следствие, сепаратистских настроений), ускорение ассимиляции иных народов, обеспечение русской народности, как титульной нации, привилегированного положения в сфере управления, предпринимательства и т.д.

6. В Нижегородской губернии исторически сложилось значительное количество мусульманских общин (в основном в татарских деревнях, но и в самом Нижнем Новгороде было немало мусульман), причем численность мусульманского населения на протяжении XIX в. постоянно росла. Остальные конфессии составляли незначительную долю населения, однако, имелись и лютеранская, и еврейская общины. Еврейское население появилось в регионе достаточно поздно (только в середине XIX в.), что было обусловлено законодательством о черте оседлости и предоставлении некоторым категориям евреев права селиться вне этой черты. В целом, иноверное население достаточно благополучно и мирно сосуществовало с православными и друг с другом в многоконфессиональной Нижегородской губернии.

7. Нельзя, однако, утверждать, что вероисповедная политика российского государства осуществлялась лишь в целях последовательного ущемления иноверцев в правах и принуждения их к слиянию с православным населением и отказа от своей веры. Государство реально обеспечивало иноверцам возможность исповедовать свою веру и исполнять культовые обряды (например, в воинских частях создавались институты штатных имамов, лютеранских пасторов, католических капелланов, иудейских раввинов для обеспечения возможности отправления религиозных культов военнослужащими-иноверцами, к присяге иноверцы приводились по правилам своего вероучения и др.). Как проявление политики толерантности следует рассматривать процесс узаконения отдельных норм шариата и

канонического права католиков (этими нормами регулировались брачно-семейные и наследственные отношения). Православное государство учитывало и по возможности охраняло законом религиозные интересы иноверцев (показательным, на наш взгляд, является, например, то, что в дореволюционной России официально дозволялось многоженство для мусульман, и юридически защищались интересы всех жен и наследников).

Теоретическая и практическая значимость исследования

заключается в том, что его результаты восполняют пробелы в изучении России как многоконфессионального и многонационального государства, особенностей его правовой системы. Материалы и выводы диссертационного исследования могут быть использованы в сфере практической политико-правовой деятельности, в частности, при определении способов урегулирования межнациональных и межконфессиональных конфликтов и при построении наиболее оптимальной модели государственно-конфессиональных отношений. Положения диссертации могут стать основой спецкурса на тему «Правовое положение иноверцев в Российской империи»; привлечены в качестве сравнительного материала при корректировке конфессиональной политики современного российского государства; в процессе преподавания истории государства и права России, теории государства и права, истории политических и правовых учений.

Апробация результатов исследования. Выводы, содержащиеся в диссертации, были обсуждены и одобрены на заседании кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Основные положения диссертационного исследования нашли выражение в опубликованных статьях научно-исследовательского характера, в выступлениях на следующих научно-практических конференциях: международная научно-практическая межвузовская конференция «Актуальные вопросы права переходного периода в России» (Н.Новгород, 29 сентября 2005 г.); международная научно-практическая конференция «Организация в фокусе социологических исследований» (Н.Новгород, апрель 2005 г.); X нижегородская сессия молодых ученых (Н.Новгород, 20-24 октября 2005 г.); межрегиональная научно-практическая конференция «Конституция России как основа развития российского права» (Кострома, 10 декабря 2005 г.); конференция «Актуальные проблемы теории и истории государства и права на

современном этапе (Уфа, 17 апреля 2006 г.); международная научно-практическая конференция «Девиация и делинквентность: социальный контроль» (Н.Новгород, 21—22 апреля 2006 г.); международная научно-практическая конференция «Проблемы модернизации российского общества: социокультурные, правовые, экономические, экологические аспекты» (Н.Новгород, 24 апреля 2006 г.).

Результаты исследования использовались при чтении курса лекций и проведении семинарских занятий по дисциплинам: «Теория государства и права», «История государства и права России».

Структура диссертации определена целями и задачами исследования. Работа состоит из введения, двух глав, включающих в общей сложности шесть параграфов, заключения, приложений и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* обосновывается актуальность темы, рассматривается степень ее разработанности, определяются объект и предмет, цели и задачи, методологическая и эмпирическая база и основные положения, выносимые на защиту, характеризуется научная новизна, содержатся сведения о внедрении и апробации результатов исследования.

Первая глава «Основные параметры вероисповедной политики в Российской империи (конец XVIII – конец XIX вв.)» состоит из трех параграфов, в которых исследуется общий конфессионально-исторический фон становления и эволюции управления духовными делами в Российской империи.

В первом параграфе «Формирование и развитие органов государственного управления духовными делами: конфессионально-исторический фон» анализируются данные по конфессиональному составу населения Российской империи и обосновывается актуальность вопроса о государственном управлении духовными делами не только православной, но и иных конфессий. Становление империи приводит к коренному изменению характера взаимоотношений между церковью и государством. Они начинают строиться на принципе главенства государя над всеми религиозными объединениями подвластной ему территории. Не только Православная церковь была поставлена в строгую подчиненность верховной светской

власти – императору, это касалось, конечно, и иных религиозных объединений, терпимых в государстве. Подчиняя духовные учреждения своей власти, придавая им государственный характер, государство подчиняло себе и каждую верующую личность (даже в духовной сфере).

Становление системы органов государственного управления духовными делами проходило в русле официальной политики абсолютизма, направленной на подчинение государственной власти всех сфер общественной жизни. До 1810 г. конфессиональные дела распределялись по разным правительственным органам. Характер управления и решения их во многом зависел от ведомственных интересов этих учреждений и вследствие этого препятствовал проведению единого политического курса в этой сфере. Завершение формирования в первой половине XIX в. Российской Империи как полиэтнического и многоконфессионального государства потребовало централизации управления вероисповеданиями. В 1810 г. в России был учрежден особый верховный орган — *Главное управление духовных дел иностранных исповеданий*, которое стало высшим административным учреждением, контролировавшим деятельность иноверного духовенства. Манифестом 24 октября 1817 г. было создано единое *Министерство духовных дел и народного просвещения* (соединение этих двух ведомств объяснялось в манифесте той целью, чтобы «истинно христианское благочестие всегда служило основанием просвещению умов»⁹). Главное управление духовных дел иностранных исповеданий перешло в его ведение. Однако уже 15 мая 1824 г. Министерство было ликвидировано. Вместо него был образован *Департамент духовных дел иностранных исповеданий*, отныне ставший центральным государственным учреждением, ведавшим делами иностранных и иноверных вероисповеданий на территории Российской Империи. В 1832 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий был подчинен Министерству внутренних дел. В составе Министерства Департамент находился почти пятьдесят лет.

Таким образом, можно отметить, что Русская Православная Церковь в организационном плане управлялась Святейшим Синодом, подчиненным напрямую Императору, в то время как иные религиозные организации находились в подчинении общеадминистративных гражданских учреждений. Тем самым имперская власть подчеркивала общеадминистративный характер

⁹ Цит. по: *Ключевский В.О.* Русская история - М., изд-во Эксмо. 2005. С. 866.

управления, подчиненное положение иных конфессий в вероисповедной политике Российского государства.

Во втором параграфе «*Принципы и особенности вероисповедной политики правительства Российской империи*» автор приходит к выводу о том, что базовым идеологическим обоснованием религиозной политики Российского государства на протяжении XIX века являлся следующий тезис: «принцип христианской терпимости отнюдь не требует и равного отношения государства ко всем признанным и терпимым им религиозным сообществам. Справедливость требует, чтобы каждый получал свое, насколько это соединимо с представляемой государством истиной; принцип справедливости не есть принцип абсолютного равенства»¹⁰. Поэтому, провозглашенный Екатериной Великой (и не отмененный иными императорами) принцип веротерпимости отнюдь не означал равенства правового положения различных конфессий. Согласно российскому законодательству все исповедания располагались на четырех иерархических уровнях, каждому из которых соответствовал свой объем прав, привилегий и ограничений. На первом уровне находилась *господствующая* Русская православная церковь. Вторую ступень правовой иерархии занимали так называемые *признанные терпимые* исповедания, к которым относились прежде всего христианские неправославные (или «инославные») конфессии (Католическая, протестантские, Армяно–грегорианская, Евангелическо–лютеранская церкви и др.), а также нехристианские конфессии (иудаистская, мусульманская, буддийская) и язычники. Третий уровень – это «*терпимые непризнанные*» религиозные общества, которые с точки зрения права не признавались, но на бытовом уровне «терпелись». К этой категории относились некоторые секты, а также старообрядцы. На последней ступени правовой иерархии находились «*непризнанные и нетерпимые*» исповедания – признанные «вредными» некоторые старообрядческие толки (например, филипповцы, поморцы, «бегуны» или «странники» и др.), а также секты: пашковцы, духоборы, молокане, субботники, хлысты, скопцы, иудействующие и др., а также те исповедания, которые в зависимости от конкретно–исторических обстоятельств квалифицировались государством

¹⁰ Красножен М. Иноверцы на Руси. Т.1 Положение неправославных христиан в России. - Юрьев, 1903. С.147. См. также: Рейснер М. Христианское государство. (К вопросу об отношении государства и церкви). – Томск, 1899. С. 47.

как враждебные (например, штундисты, баптисты, мармоны). Вневероисповедное состояние подданных Российской Империи Сводом законов не предусматривалось.

Государство, охраняя господствующую веру и решая свои имперские задачи, на протяжении всего рассматриваемого нами периода проводит (с большей или меньшей степенью интенсивности) политику насильственной христианизации и русификации (особенно в отношении национальных окраин), стремясь обеспечить единство и монолитность империи и не допустить роста национального самосознания (и, как следствие, сепаратистских настроений). Кроме того, веротерпимость в России изначально была построена на собственно политическом основании и уже тогда получила совершенно определенный национальный характер. Это была терпимость не веры, а тех или других племен и народов со всеми их обычаями и, в числе прочего, верой.

Среди исследователей вероисповедной политики Российской империи нет единства мнений относительно ее характера, часть авторов (преимущественно дореволюционных) стоят на позиции апологетики, а часть (преимущественно современных) – критики. Однако, по мнению соискателя, столь сложный и многогранный вопрос не может решаться однозначно, кроме того, вероисповедную политику Российского государства нельзя оценивать с современных позиций без максимального учета конкретно-исторических условий ее реализации.

Единого документа, определяющего конфессиональную политику государства, не существовало. Каждый правитель проводил ее в соответствии с собственным пониманием (которое основывалось и на воспитании, и мировоззрении, и степени влияния наставников и окружения), а также внутривластной и внешнеполитической обстановкой.

Официально причиной ограничения иноверцев в правах являлось недопущение соращения христиан (или обратившихся в христианство) в иную веру. Что касается не оглашаемых причин, то, по мнению соискателя, это были те самые имперские задачи, уже названные нами, а также ускорение ассимиляции иных народов, обеспечение русской народности, как титульной нации, привилегированного положения в сфере управления, предпринимательства и т.д.

Третий параграф «Этно-конфессиональная карта столицы Российской империи» позволил автору наглядно продемонстрировать на примере Санкт-Петербурга процесс интеграции иноверцев в культурную, социальную и экономическую жизнь страны. С основанием Петербурга связано появление первых иноверческих храмов. Не случайно еще за год до основания Санкт-Петербурга Петр I издал манифест «О вызове иностранцев в Россию с обещанием им свободы исповедания», разрешавший иностранцам, прежде всего инославным христианам, строить храмы и беспрепятственно исполнять свои религиозные обряды.

Наиболее крупными по численности иноверными конфессиями в Санкт-Петербурге являлись лютеране (финны, шведы, немцы, эстонцы и латыши), католики (поляки и литовцы) и иудеи (евреи). Соотношение между конфессиями и общий удельный вес иноверных конфессий изменялся в исследуемый период под воздействием ряда факторов, основными из которых являлись особенности внутренней политики (например, либеральные реформы Александра II и контрреформы Александра III), а также экономический фактор (например, экономический подъем последнего десятилетия XIX в.) Большое количество лютеран объясняется географическим положением столицы Российской империи.

Лютеране Санкт-Петербурга представляли собой мультинациональную, многоязычную диаспору, богослужения в протестантских приходах города проводились на различных языках - немецком, шведском, финском, эстонском, латышском, голландском, французском, английском и русском.

В Санкт-Петербурге действовала Римско-католическая духовная академия. За время ее деятельности, из ее стен вышли 62 епископа, которые в течение многих лет определяли характер религиозной жизни, а также нравственный и интеллектуальный уровень духовной жизни католиков России, Украины, Белоруссии, Польши, Литвы и Латвии

Что касается евреев (иудеев), то их численность в Петербурге зависела в большой степени от особого законодательства, которое существенно ограничивало их права и сдерживало миграцию. Однако уже в к концу 80-х годов XVIII века в Петербурге появляется маленькая, но вполне полноценная еврейская община. В 1860-е годы после реформ Александра II, законодательством было разрешено селиться вне черты оседлости купцам первой гильдии, лицам с высшим образованием, ремесленникам и отставным

нижним чинам. В результате в 1869 г. численность евреев в Петербурге достигает, по данным переписи, 6624 чел. Т.е., как отмечает Н.В.Юхнева, за десятилетие увеличивается в 13 раз.¹¹ Процесс интеграции и языковой ассимиляции Петербургских евреев шел очень быстро

Столица империи привлекала иноверцев как центр деловой, политической и культурной жизни страны. Северная столица давала широкие возможности для образования и применения своих знаний и других ресурсов. Многие, однако, были вынуждены отказаться от своей веры для получения полноценного правового статуса и возможности занимать высокие посты в государственном аппарате. Но были и те, кто, существуя в рамках иноверной среды (подавляющее большинство населения Санкт-Петербурга составляли, конечно же, православные), оставался верен традициям своего народа и не хотел утрачивать свою национальную, культурную и религиозную идентичность. Объединяющими центрами для них были лютеранские кирхи, католические костелы, синагоги, которые служили не только нуждам религиозного культа, но и выполняли образовательную, воспитательную и другие функции. Вокруг них формировались благотворительные и образовательные учреждения, научные и культурно-просветительные общества. Петербургские иноверцы, несмотря на ограничительную политику государственного православия (имеется в виду политика ограничения иноверцев в правах, меры по языковой, культурной и т.д. ассимиляции иноверцев и др.) активно интегрировались в экономическую и культурную жизнь города (и всей империи) и играли в ней существенную роль.

Итак, *основными принципами вероисповедной политики*, характерными для XIX в. являлось: непризнание прав личности на религиозное самоопределение; наличие правовой иерархии конфессий и их неравенство в правах, привилегиях и ограничениях; вмешательство во внутрицерковную деятельность существовавших в России конфессий; жесткость национально-конфессиональных рамок и фактический запрет перехода из одного исповедания в другое, за исключением перехода в православие, который приветствовался и поддерживался государством разными способами

¹¹ Юхнёва Н.В. «Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX – начало XX века». – Ленинград: Издательство «Наука», 1984. С. 208.

(гласными и негласными); превращение церковной власти в орудие светской политики; выполнение вероисповедным законодательством роли регулятора национального вопроса (поскольку конфессиональные различия в основном совпадали с национальными); распространение и поддержка только православной веры как духовной основы господствующей народности; полноправным (с точки зрения конфессиональной принадлежности) признавалось только православное население.

Вторая глава диссертации «Правовое регулирование жизнедеятельности основных конфессий в Российской империи» посвящена сравнительному анализу правовой регламентации жизнедеятельности членов наиболее крупных по численности верующих признанных и терпимых в Российской империи конфессий на протяжении XVIII - XIX вв. Такими иноверными конфессиями являлись: христианские неправославные (или «инославные») конфессии – католическая и лютеранская (как наиболее значительная из протестантских), а также нехристианские конфессии – иудаистская и мусульманская. Глава состоит из трех параграфов, в которых особое внимание уделяется устройству органов духовного управления и статусу духовенства каждой из конфессий. Кроме того, соискатель отмечает особенности брачного права, которое во многом определяется каноническими постановлениями каждого вероисповедания, т.к. именно в нем, прежде всего, обнаруживается различие в правоспособности российских подданных, принадлежащих к разным конфессиям.

Первый параграф «Неправославные христиане: конфессиональные различия и политический интерес» включает предысторию вопроса (общий обзор нормативно-правовых документов, регулирующих правовое положение инославных христиан и их церковных институтов в XVII-XVIII вв.), а также два самостоятельных пункта, посвященных наиболее характерным чертам правового регулирования жизнедеятельности лютеран и католиков. В иерархии конфессий второй ступени, лютеранство и католичество занимали первое место, что было обусловлено идеологической близостью инославных христианских конфессий к православию, которое играло роль официальной государственной идеологии. Однако, отношение государства к каждой из этих конфессий имело свои особенности. Правовое

положение лютеран в Российской империи было более привилегированным в сравнении с католиками. На протяжении нескольких столетий в государстве преобладала антикатолическая политика, обусловленная в основном политическими причинами, подробно изложенными в диссертации.

Характерной чертой российского католицизма и лютеранства являлось то, что по национальному составу они были религиями иноземцев - немцев, поляков, финнов, латышей, эстонцев, шведов и пр.

Положение *лютеран* в России изначально было более привилегированным в сравнении с другими иноверцами. Известен тот факт, что еще в Петровскую эпоху было положено начало бракам представителей российской царской семьи с августейшими семействами Европы именно лютеранского исповедания. Заметный след в развитии духовной жизни российских протестантов оставили Российское Библейское общество (1812—1826) и Евангелическое Библейское общество, устав которого был утвержден в 1831 г. В работе Библейского общества деятельное участие принимали все пасторы Евангелическо-лютеранской церкви.

Всей Евангелическо-лютеранской церковью в России руководила Генеральная Евангелическо-лютеранская консистория, которая была подчинена Департаменту духовных дел иностранных исповеданий. Президент Генеральной консистории (светское лицо, обычно юрист) назначался императором, члены консистории утверждались министром внутренних дел, приносили присягу на верность монарху и считались государственными сановниками.

В 1832 г. был принят Устав Евангелическо-лютеранской церкви в России, который получил высочайшее утверждение¹² и стал основным законодательным актом, который регламентировал деятельность Евангелическо-лютеранской церкви вплоть до принятия нового Устава в 1924 г. Указ 1832 г. легализовал существование единой Лютеранской церкви в России, дал мощный толчок в строительстве ее учебных и благотворительных заведений, образованию новых общин. Были ослаблены требования об обязательном переходе в православие в случае занятия определенных должностей в государственном аппарате России. В то же время царское правительство всеми силами стремилось подчинить

¹² Высочайше утвержденный Устав Евангелическо-Лютеранской Церкви в России. ПСЗ-II. Т. VII. № 5870 28 декабря 1832 г.

протестантские церкви российскому императору. Их деятельность находилась под жестким контролем административных органов.

Существенные особенности имело брачно-семейное право лютеранской церкви в России, что во многом было обусловлено особенностями вероучения. Лютеранство, считая брак гражданским установлением, не признавало (и не признает) венчание таинством, поэтому допускался гражданский брак, свобода развода, браки с иноверцами и др. Однако российское законодательство гражданский брак законным не признавало. Браки российских лютеран с представителями иных христианских и нехристианских конфессий (кроме ламаитов и язычников) допускались с соблюдением ряда условий, установленных законом.

До середины XVIII в. численность *католиков* в России была невелика. После трех разделов Речи Посполитой население, исповедующее католичество, стало составлять значительную часть жителей западных районов Российской империи. Перед российской властью стояло две задачи – организовать управление католиками на своей территории и оградить их от влияния Римского Папы (естественно, никакого двоевластия (Императора и Папы Римского) в самодержавном православном государстве быть не могло). В царствование Екатерины Великой был принят Регламент для католической церкви в Петербурге. Данный закон был издан для находящейся в Санкт-Петербурге католической общины, однако позже был распространён и на поволжских католиков. Римская курия решительно отвергала Регламент Римско-католической церкви, так как он определял порядок взаимоотношений Католической церкви и государства, минуя Рим, и подчинял церковь русскому государственному аппарату, а не Папе¹³.

Царствование Павла I было весьма благоприятным для развития католицизма, т.к. он видел своего союзника в борьбе с безбожием, революциями и вольнодумством именно в Римско-католической церкви. Нельзя не упомянуть и тот факт, что император открыто покровительствовал Мальтийскому ордену, получил титул Великого Магистра, то есть главы ордена, и ритуальную мантию. Однако, несмотря на его прокатолические взгляды, Павлу I были присущи те же стремления, что и предыдущим

¹³ См.: *Лиценбергер О.А.* Римско-католическая и Евангелическо-лютеранская церкви в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII – начало XX вв.): Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 Саратов, 2005. С. 84.

монархам - не подчиняться Папе, сделать католическую церковь русской, а не римской. Указ от 3 ноября 1798 г. об управлении Римско-католической церковью в России требовал от католического духовенства верности и послушания государю.

Александр I оставил без изменения основные постулаты управления католиками Российской империи, сложившиеся к моменту его правления. В 1803 г. высшим органом управления католиками на территории России стала Римско-католическая духовная коллегия, которая фактически стала подконтрольным государству звеном в римско-католической церкви. 6 марта 1817 г. была учреждена комиссия для надзора над римско-католическим духовенством и его имуществом. Католическое духовенство впервые подчинили судебной, административной и полицейской властям. Все назначения и отчеты о финансово-хозяйственной деятельности отныне должны были проходить через данную комиссию¹⁴

Подавление польского восстания 1830-1831 гг. не могло не сказаться отрицательно на правовом положении католиков и католического духовенства (например, были приняты меры по закрытию католических монастырей, мещане-католики польского происхождения и польская шляхта лишались права приобретать в собственность, брать в залог и арендовать земли в ряде регионов страны и др.)

Правовое положение Римско-католической церкви в России во второй половине XIX в. определялось Уставом Римско-католической церкви, опубликованным в XI томе Свода законов Российской Империи 1857 г. Исполнять любые духовные должности могли только российские подданные, а иностранные – только по специальному разрешению епархиального начальства и Министра внутренних дел, и при даче присяги в «верной службе и должном подданническом повиновении». Высшие католические иерархи (Архиепископ-Митрополит и все епископы) назначались Императором по предварительному соглашению с Римским Папой и обязаны были принести присягу на верность Российскому государю (и только после этого – Римскому Папе). Кроме того, закон прямо запрещал римско-католическому духовенству в своих проповедях, произносимых в

¹⁴ Тихонов А.К. *Власти и католическое население России в XVIII – XIX веках.*//Вопросы истории. 2004. № 3. С. 142.

церквях, касаться политических вопросов и издавать сочинения о политических делах, особенно о внутреннем государственном правлении.

Что касается брачно-семейного церковного права у католиков, то они заметно разнились с аналогичными принципами у лютеран. Так, не разрешалось заключение брака между католиками и нехристианами (магометанами, евреями или язычниками), запрещался развод и др.

Всё христианское (в том числе инославное) духовенство в Своде законов объявлялось привилегированным, неподатным сословием. В полном соответствии с принципом веротерпимости власти фактически не посягали на свободу вероисповедания католиков и лютеран. Ограничения касались лишь вопросов распространения ими своей веры на православное население (запрет прозелитизма, разрешительный порядок строительства храмов, ограничения при замещении государственных должностей и др.).

В Своде законов Российской Империи отсутствовала общая глава или единые законоположения о католиках и лютеранах, за исключением Устава Римско-католической церкви и Устава Евангелическо-лютеранской церкви, которые были включены в ч.1 XI тома Свода законов под названием «Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных». В Уставах подробному регламентированию со стороны государства подверглись не только права и обязанности духовенства, полномочия органов церковного управления, но и внутрицерковная жизнь, вопросы церковного имущества. Таким образом, государство имело реальную возможность влиять на внутреннюю религиозную жизнь католиков и лютеран.

Во втором параграфе «Правовое регулирование жизнедеятельности исламских общин» рассматривается эволюция норм, регламентировавших «духовные дела» мусульман на территории империи, раскрываются особенности брачного права мусульман, затрагиваются проблемы метрикации мусульманского населения

Непрерывное расширение территории России, включение в ее состав Поволжья, Приуралья, Сибири, Крыма, части Польши, Кавказа, Туркестана сделали русскими подданными многочисленные народы, исторической верой которых являлся ислам. В результате к концу XIX в., второй по численности верующих конфессией в Российской Империи стала мусульманская.

«Мусульманский вопрос» в государственной политике самодержавия был подвержен изменениям в соответствии с переменами и колебаниями внутреннего курса в целом и изменениями конфессиональной политики в частности¹⁵. Включение регионов с мусульманским населением в состав империи на разных исторических этапах развития российской государственности предопределило различный правовой статус этих народов (так, в центральной России преобладала тенденция к правовой унификации нерусских народов, а на южных окраинах империи государство не вмешивалось во внутреннюю жизнь мусульман).

Законодательная политика Российского государства до середины XVIII в. была направлена на ограничение ислама, поощрение перехода мусульман в православие, покровительство по отношению к «новокрещеным», однако эти меры не привели к конфессиональному единообразию страны. В царствование Екатерины II происходит важный поворот в государственно-религиозной политике империи, что положительно отразилось и на правовом положении мусульман. Как проявление политики толерантности следует рассматривать процесс узаконения отдельных норм мусульманского права в первой трети XIX в., а также лояльность государства к таким значимым сторонам мусульманского образа жизни как право на многоженство, совершение хаджа, принятие присяги по догматам своей веры.

Впрочем, конфессиональная политика самодержавия, как правило, определялась «целями не столько религиозными, сколько правительственными». Власти, не имея других средств влияния на мусульманское население, стремилось подчинить себе духовных лидеров мусульман. Были учреждены духовные органы управления мусульман - Оренбургское Магометанское Духовное Собрание и Таврическое магометанское духовное правление, которые являлись одновременно церковными и государственными по своему статусу.

На протяжении XVIII- XIX в. магометане и их духовенство более ограничивались в правах, чем инославные христиане. Татарские муллы по ряду параметров были более ущемлены в правовом плане, нежели

¹⁵ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). – СПб., 1998. О возникновении «мусульманского вопроса» подробнее см.: Воробьева Е.И. Мусульманский вопрос в имперской политике Российского самодержавия (вторая половина XIX – 1917 г.). Дисс. ... к.и.н. СПб., 1999.

священнослужители неправославных христианских конфессий (они не признавались особым сословием, штатным имамам в воинских частях полагалось меньшее жалование, до 1850 г. на них распространялась рекрутская повинность и др.). Российскими законами в отношении мусульман устанавливались различные ограничения в правовом статусе, которые были следствием конфессиональной принадлежности. Например, эти ограничения касались занятия выборных должностей в органах управления, отрицательно сказывалась на положении и коммерческой деятельности мусульманского купечества и др. Но, несмотря на дискриминационную сущность отдельных норм законодательства, они не затрагивали основы основ – их права свободно исповедовать свою веру и исполнять культовые обряды.

В рамках *третьего параграфа «Еврейский вопрос в политике самодержавия (между экономической необходимостью и конфессиональной нетерпимостью)»* соискатель не ставил задачи подробного рассмотрения правового положения евреев, т.к. этот вопрос достоин самостоятельного диссертационного исследования¹⁶. Автор лишь определяет основные параметры и динамику государственно-правовой политики в отношении иудеев, выявляет факторы, определявшие эту политику, рассматривает базовые положения законодательства, регламентирующего правовое положение евреев в XVIII – XIX вв.

Рассматривая особенности правового положения евреев на протяжении XVIII и XIX веков, можно отметить, что государственная политика этого периода в отношении евреев основывалась на двух противоположных тезисах, взаимно исключающих друг друга и предопределивших противоречивость самой политики: 1) обособление евреев как отличающихся от прочего населения по своему мировоззрению (вероисповеданию), укладу и характеру своей экономической деятельности; 2) слияние их с прочим населением, включение в культурную и экономическую жизнь государства.

Во время царствования того или иного императора, в зависимости от его взглядов на конфессиональную политику вообще и еврейский вопрос в частности, то или иное направление могло доминировать, но никогда не

¹⁶ См. *Козлитин Г.А.* Правовое положение евреев в Российской империи. Конец XVIII – XIX вв. Дис. ... канд. юр. наук. Ростов-на-Дону. 2004. Кроме того, нельзя не упомянуть фундаментальное исследование Солженицына И.А. «Двести лет вместе (1795-1995)»

исключало полностью второго. Поэтому Еврейский вопрос так и остался без ответа. В числе нормативных актов, регламентирующих правовое положение иудеев, анализируемых в диссертации: «Положение о евреях» 1804 г., которое явилось первым законом, регламентирующим важнейшие стороны жизни российского еврейства: экономику, общинное устройство, образование и просвещение; «Положение о евреях» 1835 года и многочисленные указы императоров и распоряжения исполнительной власти.

Сравнивая положение евреев (иудеев) и лиц, принадлежащих к другим признанным и терпимым исповеданиям, соискатель делает вывод о наибольшей степени ограниченности в правах, а также о том, что в правительственной психологии и политике на всем протяжении российской истории (вплоть до конца XX в.) наблюдается явно предвзятое отношение к иудеям (так, например, отношение к евреям-караимам было гораздо более лояльное, на них вовсе не распространялись ограничения, закрепленные в законе за евреями-раввинистами (иудеями)). Если в правительственных кругах на протяжении XVIII-XIX вв. можно обнаружить некоторые периоды прокатолических настроений, то «проиудейских» периодов не было.

Ни один народ не ограничивался так жестко в праве на передвижение и расселения по Российской империи, как евреи. Установление черты оседлости преследовало своей целью удержание евреев от расселения в центральных областях России, прикрепление их к своим общинам для удобства взимания государственных налогов, а также заселение пустынных пограничных районов. Существовали серьезные ограничения по приему евреев в учебные заведения, при приеме на государственную службу и многие другие. Необходимо также отметить тот факт, что по Российскому законодательству XIX в. евреи были отнесены к «иностранцам» наравне с полудикими народностями – киргизами, самоедами, калмыками, ордынцами и проч.¹⁷

В *заключении* автором сформулированы основные выводы, подведены итоги по анализируемым в диссертации проблемам.

¹⁷ СЗ РИ Т.IX ст.1,2 и 835 (изд. 1876 г.)

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Романовская Л.Р. Основные характеристики вероисповедной политики имперской России // Организация в фокусе социологических исследований: В 2-х т. Т.1./ Под общей редакцией проф. З.Х.Саралиевой – Н.Новгород: Издательство НИСОЦ, 2005. С.319-322.

2. Романовская Л.Р. Российское государство и Церковь в период абсолютизма: политико-правовой аспект // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: Сборник научных трудов: в 2-х ч./ Под ред. Проф. В.М. Баранова и доц. М.А. Пшеничнова. – Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2005. – Вып. 11. – Ч.2. – С.44-52.

3. Романовская Л.Р. Правовое положение католиков по российскому законодательству XVIII-XIX вв. // Конституция России как основа развития российского права: материалы межрегиональной научно-практической конференции 10 дек. 2005 г. / сост. В.В. Груздев. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова. С. 78-85.

4. Романовская Л.Р. Правовое положение лютеран по Российскому законодательству XIX в. // X Нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки: материалы докладов. – Н.Новгород: Изд. Гладкова О.В., 2006. С. 367-369.

5. Романовская Л.Р. Особенности и эволюция вероисповедной политики правительства Российской империи в XIX в. // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – Кострома, 2005. № 12. С. 232-236.

6. Романовская Л.Р. Государственно-религиозная политика по отношению к мусульманам: перелом на рубеже веков (XVIII-XIX вв. // Вестник Чувашского государственного университета. – Чебоксары, 2006 . № 4. С.149-152.